

ПРЕДИСЛОВИЕ, ВВОДЯЩЕЕ В КУРС, В СУТЬ И В ПЕРСПЕКТИВУ

Если бы, да кабы, – гласит русская поговорка...

Если бы положение в нашей стране, сложившееся к 1992 году, можно было бы улучшить сугубо экономическими средствами и методами, ориентируясь на финансовую стабилизацию, как это видится и кажется Е. Гайдару и его команде, то это было бы фантастически счастливым исходом.

Но положение в мире (и в нашей стране, особенно) не укладывается в экономические рамки и модели и не сводится к решению финансовых теорем.

Положение – сверхчрезвычайно. Многодетерминантно. Поэтому сугубо экономическими реформами не удастся выйти из кризиса. Кроме материальных, необходимы ещё интеллектуальные, теоретические и духовные рычаги. Необходима теория многоаспектных, чрезвычайных, универсально-целостных реформ, то есть *действительных* реформ.

Подобно тому, как земной шар вращается не только вокруг своей оси, но движется ещё и по орбите вокруг Солнца, а само Солнце, вместе с системой своих планет, эволюционирующих по своим орбитам (что тоже сказывается на состоянии Земли), – участвует в движении вокруг центра своей Галактики... и, таким образом, перед нами многоступенчатые зависимости небесных *объектов*, и нет «простого движения», – положение в нашей стране еще сложнее, и при теоретическом осмыслении *социально-исторических* процессов, происходящих в нашей стране, нельзя, недопустимо абсолютизировать экономические процессы и экономические рецепты. Это было бы подобно признанию лишь движения Земли вокруг своей оси – ограниченностью этим движением в осознании общей динамики и нежеланием видеть и признавать большее, более сложное... В нашей стране мы имеем дело *не просто с объектами* (пресловутыми «производительными силами», «производственными отношениями», интересами, имеющими предметную форму), но и – как показали, например, межэтнические конфликты – с субъектами, обладающими предрассудками, волей и рассудком. И если этим субъектам не дать общий РАЗУМНЫЙ идеал, способный их убедить и объединить, то со стихией «броуновского движения» экономических интересов справиться не удастся. Экономические интересы сами по себе деструктивны.

Упрощать нашу социально-историческую действительность путём сведения её к экономической действительности – опасно: эгоизм и утилитаризм – это не гуманизм.

Положение, в котором оказалась наша страна после августа 1991 года, можно было бы (чтобы точнее разобраться в этом положении) попытаться выразить формулой: «Подвижное изменяется в подвижном, которое тоже изменяется, но эти "дополнительные" изменения по сути своей – на порядок выше, чем экономика, обладают *иной, чем экономическая*, МЕРОЙ определённости».

Наши уважаемые экономисты, стоящие во главе реформ, в своём мышлении исповедуют материализм и при том – материализм XVIII века.

Но об этом никто не думает (что они там исповедуют). Это, как говорится, всем как «до лампочки». Самое большее, что по поводу экономики в последней четверти XX века было изречено, это знаменитое брежневское высказывание о том, что «экономика должна быть

экономной». И на этом наша социально-аналитическая мысль по поводу экономики как бы иссякла. Таков уровень социального мышления... таков, очевидно, и социальный заказ...

Однако если установлено, что наши экономисты исповедуют материализм XVIII века, и если вспомнить, что главный недостаток этого материализма заключался в том, что он был сугубо натуралистичен, *созерцателен*, способен был схватывать действительность лишь в форме *объекта* (что, рассматривая, например, вишнёвое дерево и культуру вишни в Европе, он видел в этом *объекте* только дерево – как вещь, всегда равную самой себе – и не понимал, что без торговли и мореплавания, без связей с Японией целого ряда поколений, способных, благодаря промышленности и определённому социальному состоянию, иметь торговлю с Японией и иметь корабли, на которых до неё можно доплыть, и что вишня в Европе – **это ещё и исторический продукт**, результат деятельности целого ряда поколений, продукт культурного обмена, *социальный феномен*, а не просто ботанический факт), ТО и применительно к сегодняшним проблемам нашего социума идущий от XVIII века материализм наших уважаемых экономистов-реформаторов не схватывает и не понимает всей сложности задачи – значения «революционной», культурно-практически-критической деятельности, которая способна схватить и понять, что наши экономические реформы, нацеленные на такой «*объект*», как изобилие качественных и дешёвых товаров, не могут быть успешными, **если их не дополнить социально-интеллектуальной революцией в умах, а также революцией в самой организации нового типа социальной жизни**, ибо успех реформ – это **такой же исторический продукт развития** труда и *развития* общественного состояния, как вишнёвое дерево в Европе, не являющееся просто ботаническим, биологическим объектом.

Экономика (=подвижное) изменяется в рамках экономической парадигмы – в рамках всё той же исторической МЕРЫ, – остаётся экономикой, хоть и изменяется от командно-административного способа производства товаров к рыночному товарному производству. И всё. От производства товаров **как от доминанты всех доминант** общество **под руководством экономистов** никуда не уходит. Товар остаётся и играет роль божества. И мышление реформаторов остаётся, в сущности, товарно-фетишистским. И массы людей, мало понимающие, «что к чему», ориентированы в товарно-утилитарном направлении. В действительности же, нет эволюции без революции: нет реформ, если они не продукт развития промышленности, развития научно-технической революции, развития социальной педагогики, способной формировать новые кадры, развития семьи, способной дать новым поколениям новые ценностные и нравственные ориентации, развития искусства и литературы, способных формировать новый духовный облик субъекта социальной истории. И если экономисты этого НЕ видят, то это – тупик (так как «земля вращается», т. е. – экономика движется не только вокруг своей оси)...

Эпоха же, в рамках которой происходят попытки реформировать нашу экономику, – объективно *переходит* в новую историческую МЕРУ (от отчуждённого труда – к труду гуманистически ориентированному). Но *субъективно* этому процессу перехода надо очень существенно помочь, ибо одни объективные предпосылки, одна объективная необходимость здесь «не сработает», т. к. в реформу вовлечён НЕ некий ОБЪЕКТ, а общество, обладающее волей, сознанием, консервативными иллюзиями и просто предрассудками всякого рода, т. е. субъект; у этого общества нет теории перехода к своему новому состоянию, и оно вряд ли подозревает, что такая теория у него должна быть.

Наши же уважаемые экономисты, сохраняющие в НАЧАЛАХ своего мышления очень многое от материализма XVIII века (ибо, например, Адам Смит, создавший трудовую теорию стоимости, был не только экономист, *но и материалист своего времени* в вопросах экономической методологии и аналитики социума), полагают и сегодня, в конце XX века, в связи со СВОИМИ наметками реформ, что *достаточно*-де, задействовать «экономический интерес» и экономическую конкуренцию, чтобы «процесс пошёл» по накатанным рельсам. Увы! Это – ошибка. Природа этой ошибки коренится в недооценке исторического времени, эпохи, в недооценке социально-культурных обстоятельств, с одной стороны, и – обстоятельств экологических и демографических, – с другой. Сегодня на Земле живет в 8-10 раз большее население, чем во времена А. Смита. И экономические стимулы и «механизмы» этот «воз» не потянут.

В течение многих тысячелетий, с тех пор как люди научились пользоваться огнём, а затем и техникой, основанной на эффектах механического (особенно – вращательного) движения, – всё производство жизненных средств основывалось на различных способах использования *вещества* и способах использования *энергии*.

Были, иначе говоря, технологии, направленные на трансформацию вещества, были технологии, направленные на трансформацию энергии. Но не было ТЕХНОЛОГИИ (в виде *системы* технических средств), направленной на трансформацию самого существенного в человеке – на *трансформацию* и *интенсификацию* его интеллектуальной деятельности. Теперь такие технологии созданы, хоть их значение ещё не вполне осознано во всём их социально-историческом социально-культурном значении. Это технологии по переработке *информации*.

Пока что их использование идёт под знаком утилитарных целей. Но очень скоро будет осознано, что использование информационных технологий **прежде всего и главным образом** для интенсификации и трансформации интеллектуальной деятельности человека, – в целях гуманитарно-конструктивных, – имеет значение социально-интеллектуальной, культурной положительной гуманистической революции и что это знаменует новую эпоху человеческой цивилизации. Ясно, что при такой перемене, экономика, с её обезличивающим влиянием на человека в пользу товара, неизбежно перестанет быть доминирующей силой.

Это естественно: если в технологии преобладающей и доминирующей становится способность по развитию и по «эффективизации» интеллектуальной деятельности человека, то технологии, традиционно сосредоточенные на трансформациях вещества и энергии, – **а они-то и составляют «сердцевину» и суть экономики**, – отходят на второй план, становятся зависимыми.

А так как перспектива именно такова, – т. е. складывается под знаком гуманистически-конструктивных целей, – то закладывать в производимые ныне реформы, – как это делает Гайдар и его команда, – доминанту отношений экономического типа – значит пытаться сохранить в днях грядущих доминанту отношений дней вчерашних.

Проводя реформы в конце XX века, надо же видеть (и ориентироваться на) доминирующие отношения века XXI-го!

И такой переход необходимо должен быть учтён в качестве исторической сущности реформ. Экономисты-реформаторы этого совершенно не видят. В их мышлении отсутствует

категория изменения социального процесса во времени. У них – *вневременное* мышление и, следовательно, нет адекватного мышления.

А так как эпоха коренным образом меняется как раз на грани XX и XXI веков, то необходимо по-новому относиться к факторам, влияющим на производство и воспроизводство социальной жизни. Надо выделить интенсивные и экстенсивные факторы, если мы хотим мыслить адекватно XXI веку.

Интенсивные факторы: люди как личности, т. е. *творческий* фактор и его составляющие: квалификация, способности, таланты, новаторская психология и новаторский пафос личности.

Экстенсивные факторы: деньги, наёмная рабочая сила, традиционные технологии, энергоресурсы, сырьё; это и есть сумма экстенсивных факторов.

В той сверхчрезвычайной ситуации, в которой сейчас находится мир и наша страна, – эпохе (для разрешения её противоречий) необходимо преимущественное развитие интенсивных факторов и механизмов, ибо без такой установки нет решения всего комплекса сверхчрезвычайных жизненных проблем.

Следует подчеркнуть, что есть принципиальное различие между «рабочей силой» как фактором экстенсивным, нанимаемым за деньги, ради денег и равным определённой денежной сумме и *личностным* фактором, обладающим *саморазвитием*, творчеством и талантом, т. е. категориями сверхэкономического характера, поскольку в экономических отношениях мы привычно имеем дело с тем же принципом, что и при обмене товарными (стоимостными) эквивалентами.

В экономическом процессе мы имеем дело с товарными эквивалентами, т. е. – с приравниваемыми факторами.

А здесь, т. е. при переходе в XXI век – нет и не может быть эквивалентности. – Не сравниваем же мы кузнечика и верблюда, хотя оба имеют отношение к траве. – А это неизбежно влечёт за собой необходимость фундаментального переосмысления всей теории, всей стратегии и всего содержания реформ с позиции становления новой исторической МЕРЫ отношений.

Реформировать предстоит не только экономику (т. е. – характер процесса производства товаров), но и весь процесс исторически сложившейся социальной организации жизни (в которой накопленный труд в виде стоимости господствует над трудом живым, который желателен и необходим как творческая деятельность) и осуществить глубокие перемены в социальной психологии и в социальной технологии, в приоритетах науки, в формировании нравственности, в планировании и возрождении семьи как важнейшего социального института, который обладает саморазвитием и отнюдь не должен рассматриваться как простое производное экономики.

Это должен быть социально-гуманитарно-программированный переворот. К этому, как уже сейчас ясно, нас толкает, помимо социально-гуманитарных проблем, ещё и нарастающий всеобщий экологический коллапс.

Поэтому необходима фундаментальная разработка не только ближайших экономических шагов, но и – самой проблемы БУДУЩЕГО.

Нельзя, таким образом, обойти вопрос об уровне теоретической обоснованности тех рекомендаций, которые выдвигаются нашими уважаемыми экономистами-реформаторами, – не в

качестве упрёка им будь сказано, – а в качестве выяснения фундаментальности избираемой методологии. Наш народ и страна – отнюдь не подопытный кролик. И здесь недопустим «метод проб и ошибок». Поэтому тотчас же естественно возникает вопрос о теоретической оснащённости (да и о теоретической одаренности!) тех, кто в роли аналитиков и реформаторов претендует на рекомендации всероссийского звучания. Вообще возникает вопрос о мыслительной адекватности аналитиков – уровню задач, перед которыми оказалась Россия, да и мир в целом (ибо одно – неотделимо от другого). Речь идёт о методологической состоятельности самой структуры интеллектуальной деятельности аналитиков и реформаторов, поскольку, по глубокому убеждению автора этих строк, страна наша находится НАКАНУНЕ социально-интеллектуальной революции как революции в умах, которую надо осуществить, чтобы адекватные реформы состоялись. – И аналитики, которые такой революции не пережили, просто бесполезны. – Социально-философское исследование не может не ставить этих вопросов, *ибо это – предмет философской мысли.* – Говоря о *необходимости* для аналитиков и реформаторов в предварительном испытании ими самих себя в социально-интеллектуальном духовном перевороте (не пережив которого, они НЕ смогут предложить *адекватных* проектов реформ), хочется подчеркнуть, что для этого необходима определенная ОТРЕШЁННОСТЬ *от* экономики, *от* экономического мышления, *от* экономического понимания «ценностей». Сейчас такой *отрешённости* нет. Экономика возведена в АБСОЛЮТ. Она выступает и в роли *постулата*, и в роли *аргумента*, и в роли *результата* как желанной цели, и в роли *двигателя*. . . Но эпоха-то идёт НЕ к этому, а – ОТ этого. Идёт далее. Выше. Выше утилитаризма. К гуманизму. И чтобы нам как стране – «попасть в струю эпохи», надо *отрешиться* от экономизма. Но все наши политики, политологи, публицисты, журналисты (почитаешь газеты, слушаешь радио, радио «Свобода», например), выступают каждый как «великий эконом». И всем дано «судить о том, как государство богатеет и почему не нужно золота ему, когда простой продукт имеет». Во времена Евгения Онегина – это было, конечно, «ноу-хау». Но сегодня!.. Извините, господа. Когда слушаешь, как Владимир Малинкович и Игорь Клямкин кружатся в «заколдованном круге» своей политолого-экономической аргументации, грустно становится от того, что люди (массы так называемых интеллектуалов) не могут достичь *состояния отрешённости от старых понятий «богатства», «продукта»* накануне вступления человечества в новую эпоху. И всё гоняют по кругу старый вздор. Да ещё, с каким вдохновением! – Между прочим: по вопросу об *отрешённости* можно назвать статью Ю. Сенокосова «О философе Мерабе Мамардашвили» (Деловой мир, № 235, от 5/XII-92, «Радикал» № 46, стр. 9, 15). –

Поскольку социальное время – это самое «быстрое» время, а социальные процессы – глубочайшие и интенсивнейшие – затрагивают судьбы людей, и, в случае их ошибочной организации, ведут к необратимым негативным последствиям для человеческих судеб живых человеческих личностей, ТО КОРЕКТНОСТЬ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ РЕКОМЕНДАЦИЙ имеет значение нравственного категорического императива.

Сравнивать «пробы» и «ошибки» недопустимо с точки зрения допустимости самой возможности такого подхода. Непременным условием *корректности* и эффективности советов, даваемых экспертами и консультантами, аналитиками применительно к нашему обществу должно быть *наличие* у этих экспертов методологической ПОЗИЦИИ, находящейся ВНЕ «поля тяготения» экономической догматики. Но ведь нет же у них такой позиции! А она необходима, ибо, чтобы что-то понять, надо это «что-то» сравнить с более глубокой сущностной сферой, т. к. «всё познаётся в сравнении». Но нашим уважаемым экономистам, которые зациклились на

производстве товаров (на экономике) и делают акцент на той стороне товарно-денежных отношений, которая выражается в меновой стоимости, – просто не с чем сравнить свои мысли: они смотрят в «экономическое зеркало» и видят в нём своё собственное «изображение» в виде своих экономических («товарно-денежных») абстракций. И, таким образом, в своём мышлении они не могут выйти из «поля тяготения» экономической догматики: всюду – как им кажется – их окружают только экономически обусловленные феномены.

Разумеется, это не так. На ход событий в нашей стране оказывают влияние ещё и психологические стереотипы, идеалы, традиции, понятие о справедливом и несправедливом, нравственные чувства, совесть, например и т. д и т. п. К этому надо добавить следующее:

Западные гуманитарии не проявляют безоговорочной и категорической веры в экономику.

Аурелио Печчеи, например, рассуждая в своей последней книге о состоянии современного ему общества и о сложностях Природы, вовлечённой в социальный и технологический процесс, – отмечает по поводу усилий регулирования экономики, что «все эти усилия не смогли вытащить современное общество из болота трудностей, в котором оно сейчас барахтается по той причине, что *попытки эти направляются тем же разумом, который является причиной нынешнего кризиса*». (См. «Будущее в настоящем», М.: «Прогресс», 1984, с. 28. – Курсив мой. – Н.Н.) Метко подмечено!

Печчеи видит «болото» рыночного общества, а наши политики и экономисты – нет! Не видят!

И ещё из того же источника полезно было бы привести высказывания А. Печчеи, отнеся их к нашим упованиям на «демократию», на правовые установления и т. п. Это полезно сделать в том смысле, что мир уже «сдвинулся» с той точки, когда всё это «работало» более или менее успешно. «В области общественных систем, – пишет А. Печчеи, – тоже существовали механизмы, на которые ещё совсем недавно можно было рассчитывать, но которые *теперь* либо совсем отказали, либо действуют с перебоями. Таковы политические институты демократических стран. *Ранее* их сила состояла в периодической консультации избирателей и в чередовании партий у власти в результате борьбы идей и эволюции различных политических течений. Подобные механизмы *не в состоянии более* обеспечивать саму основу демократии – плодотворное равновесие, подвергающееся частым испытаниям и обновлениям. Но даже в случае бесперебойного действия они *не могут более удовлетворять потребности* в участии и изменении современного сложного интегрированного общества, сталкивающегося в его нынешнем состоянии с проблемами, которые ни партии, ни избиратели, ни эксперты *не могут, вероятно, даже понять*. Совершенно очевидно, что необходимы новые политические и социальные процессы, которые отвечали бы нашему времени, но их ещё необходимо изобрести». (См. там же, с. 29-30. Курсив везде мой. – Н.Н.) Это «изобрести» надо запомнить! –

А что же мы наблюдаем у нас сегодня? Немыслимо предположить, что книга А. Печчеи «100 страниц для будущего» не была прочитана представителями нашего нынешнего правительственного истеблишмента. Наверное, читали. Читали, НО не восприняли. Почему же не восприняли? Да потому, видимо, что в их интеллекте нет «воспринимающего» аппарата (концептуально-гносеологической и социально-философской «почвы», на которой могли бы прорасти «зёрна» мыслей А. Печчеи). А. Печчеи – гуманист и человек с мировым научным и

нравственным авторитетом – пишет, что демократия на Западе «не работает», как надо, что экономическое целеполагание и рыночный механизм – не являются спасительными образцами действия. А у нас продолжают толковать только про рынок и демократию, когда на Западе уже ясно, что *надо изобретать новый, более высокий, образ жизни* и что обыденное сознание изобретателей и имеющиеся обыденные концепции политических партий – идут в русле традиционных представлений и не замечают необходимости наметившихся уже изменений. Западные европейцы отнюдь не уверены в своей экономике, как это кажется спасительным нашим уважаемым экономистам. Например, Мишель Рокар, в прошлом премьер-министр, т. е. человек с концентрированным государственным опытом, а ныне официальный кандидат французских социалистов на должность будущего президента Франции, – отмечал в 1990 году, что европейцы «живут на финансовом вулкане», что «реальная экономика перестала быть фундаментом финансовой политики. Никто не знает, чем это кончится». (См. «За рубежом», 1990, № 36, с. 10.) Это стоит принять к соображению.

Общество настолько сложно, столкновения самых разнообразных и непредвидимых факторов порождают буквально «лавины неопределённостей». Даже эксперты, как пишет Печчеи, – не могут понять, как помочь обществу в его столкновениях с новыми проблемами.

Мы же пребываем в наивной уверенности, что наши уважаемые экономисты, стремящиеся выборочно копировать симпатичный им опыт Запада, обладают предельно эффективными знаниями и что главное сейчас – это «ввести рынок», и тогда механизмы спроса и предложения всё отрегулируют...

Но вот, что об этой иллюзии писал А. Печчеи: «Действие механизма спроса и предложения тоже потеряло свою эффективность. Нехватка некоторых ресурсов, анархия валютных систем, галопирующая инфляция, политика монополий и олигополий и растущее вмешательство государства на национальном и международном уровнях изменили и извратили до неузнаваемости эту игру спроса и предложения. Зачастую цены диктуются политическими интересами или подвергаются в большей степени различным манипуляциям, устанавливаются не по законам рынка. Они более не являются производной величиной, но – но исходным слагаемым, а напичканные рекламой покупатели более не имеют свободы выбора. Ни производители, ни потребители, ни само общество более не могут доверять классической «невидимой руке», которая, как они думали, вела их к состоянию коллективного оптимума. Часто вместо этой «руки» они обнаруживают «чёрный ящик», пинающий их ногами». (См. «Будущее в настоящем», М.: «Прогресс», 1984, с. 30.)

А. Печчеи понимал, что происходит глубочайший исторический сдвиг в самом базисе культуры труда современного человечества, в образе самой социальной жизни народов. «Открывающаяся перед нами историческая фаза, – писал он, – совершенно беспрецедентна» (там же, с. 31). Это же кричащее заявление!

Но вся наша реформаторская политика, её концептуальные основы и её программы, создаваемые нашими уважаемыми экономистами, строятся на прецедентах (Венгрии, Польши, Чехословакии), за которыми просматриваются весьма недалёкие цели утилитарного характера, в свою очередь заимствованные этими странами у западных экономистов и экспертов, которые в своём мышлении не выходят за рамки экономической догматики.

Таким образом, общество в мышлении наших реформаторов выступает НЕ как некое *живое* универсальное целое, в котором должна доминировать мысль и установка на очеловечивание реального жизненного процесса (и, следовательно, мысль об освобождении человека от пут отчуждения и товарного фетишизма), а как **некая коммерция**. Жизнь и её гуманистическая устремлённость подменяется *экономикой*, то есть движением и отношениями товароолицетворённых феноменов, в которых человеческое начало подавлено и подчинено некой функции, сосредоточенной на достижении товарного богатства.

Из сказанного следует, что необходимы некие неординарные предложения для выхода или выведения России из тупиково-безысходного состояния.

Командно-административная методология – не подходит. Это теперь понимают почти все.

«Шоковая терапия» себя не оправдала. Об этом поведала «Дума» (София): «Выбор модели "шоковой терапии" в хозяйственной сфере на сегодня – это почти полностью доказанная ошибка. Ни один из прогнозов Ельцина и правительства о быстром насыщения рынка товарами и постепенной стабилизации производства, об укреплении государственного бюджета и рубля не сбывлся». (См. «За рубежом», № 31, ноябрь 1992, с. 2.)

Это значит, что необходимо начинать нечто более сложное, более тонкое и более высокое, нежели то, что может предложить экономическая догматика, поскольку оказалось, что Россию невозможно (после того, что она пережила за последние 75 лет) нарядить в экономический «тришкин кафтан».

Почему-то это теоретическое выражение («экономический "тришкин кафтан"») никому не приходит в голову, хотя уже невооружённым взглядом видно, что именно так оно и есть.

Ошибка, и при том – ошибка двойная, содержалась уже в самой концептуальной идее, из которой исходил Егор Гайдар, предполагая свои реформы. Им предполагалось:

- а) стабилизация производства;
- б) финансовая стабилизация.

В чём ошибочность такого «исходного пункта»? Ошибочность в том, что **идут не от человека** как главной созидательной и творящей силы, являющейся «первичным аргументом» – подлинным «началом» необходимых изменений и решений.

Современная эпоха, взятая в производственном плане, весьма динамична и отнюдь «не завязана» на «стабилизацию». Япония, например, ищет нетрадиционные источники повышения качества продукции и роста производительности и видит эти источники в переходе на новый тип рабочего – в переходе от рабочего конвейерного типа (по существу – от живого раба) к становлению так называемых «рабочих групп», обладающих активностью и инициативой, состоящих из многопрофильных специалистов, способных заменять друг друга, имеющих высокий потенциал образованности и квалификации, изобретательности и рационализаторства. По существу, ставка сделана на *личность*!

Та же тенденция в самых широких масштабах наблюдается на заводах Опеля в ФРГ.

Не остаются безразличными к японскому опыту организации **рабочих групп** и ведущие компании США. Здесь тоже признано, что именно это нововведение – самое эффективное средство для повышения качества продукции и увеличения её выпуска.

Но подлинной положительной революцией было бы, ЕСЛИ БЫ мы пошли ещё дальше по этому пути и сосредоточились бы на *человеческом смысле производства*, то есть на том, что ПЕРВИЧНОЕ значение имеет не продукция, её качество, стоимость и объем, а – развитие и саморазвитие человека.

Если то, что делают японцы и немцы, есть переворот в организации производства, соизмеримый по значению с введением конвейера (когда так же на первом месте стояло качество, количество и стоимость *продукции*), но при этом человек обезличивался и подчинялся единственной цели – производству товаров, то теперь, при некоторой гуманизации труда за счёт организации **рабочих групп**, товар всё же остаётся диктатором. Только теперь ставка делается не на рабочего-робота, а на рабочего как инициативного субъекта производства, но всё ещё – товарного производства. У этого рабочего пытаются пробудить личностные качества и ответственность. Но это принципиально не меняет его самосознания, так как сама по себе экономика (а не человек) признаётся, при таком порядке вещей, субъектом истории!

Производство, при таком порядке вещей, рассматривается как начинающееся с товарно-денежных феноменов, а не с человеческой активности, ибо люди выступают как *движимые* меркантильными интересами. Человек мыслится в страдательном залоге.

Что касается «финансовой стабилизации», то сами по себе деньги не способны к саморазвитию, хотя Е. Гайдар и исходит из принципа «эффективных денег», как он писал летом 1992 года. Деньги, как и товар, – специфический экономический феномен, и их особенность состоит в том, что в них фиксируется прошлый (накопленный) труд.

А поскольку прошлый труд это и прошлое рабочее время и прошлая (вчерашняя) система общественных отношений, знаменующая собою определённую систему *взаимодействий* людей, то, возведя «финансовую стабилизацию» в роль основного рычага реформ, – исполняющий обязанности премьер-министра Е. Гайдар избрал тем самым такую методологию реформ, при которой прошлое господствует над настоящим, накопленный труд господствует над трудом живым, сложившиеся стереотипы производственного поведения выступают как *препятствие* для развития новаторства, технического прогресса, организационного, научного и технологического дерзания. Ибо деньги-то – не резиновые. При финансовой детерминации необходимых производственных изменений мы как общество всегда ограничены в своих возможностях. Вот тут-то и возникает мысль об «экономическом "тришкином кафтане"».

Перед нами ведь не просто стоит задача выхода из кризиса, а ЗАДАЧА выхода из кризиса В ТАКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ, *когда экономическая субстанциональность вообще недостаточна*. – Вот откуда возникает образ «тришкина кафтана». – Поэтому необходимо менять исходную концептуальную идею, определяющую меру эффективности реформ.

Наши уважаемые экономисты смотрят на предстоящие реформы из прошлого и, тем самым, – *экономически* и, следовательно, так, что накопленный труд господствует над трудом живым и, следовательно, так, что на новые технологии, на науку, на «ноу-хау» – не хватит, ибо

есть ещё армия, экология, ВПК, конверсия, межнациональные конфликты, неблагоустроенный аграрно-промышленный комплекс и много-много других «дыр».

Поэтому, вырабатывая концепцию реформ, надо *ещё* суметь «смотреть» на наше настоящее и на наши реформы – ИЗ БУДУЩЕГО.

Что значит «суметь смотреть из будущего»? Это значит, что (помимо экономических механизмов и экономической догматики, помимо решения финансовой теоремы) надо опираться на те механизмы, которые можно предвосхитить в качестве будущих доминант. Если экономисты имеют в виду изобилие товаров (а товары – это уже прошлый, овеществлённый труд), то нам надо ориентироваться на изобилие талантов – в качестве доминанты всех доминант!

Это и есть решение вопроса о преодолении «экономического "тришкина кафтана"».

Выводы-размышления

1. Итак, нам необходимо преобразовать экономику. Но для этого самое **задачу** надо понять в *аспекте преобразования*. Сейчас же преобладает аспект реанимации.

Это необходимо выделить и подчеркнуть, так как очень часто ТО, что надо сделать с экономикой, понимают в *утилитарном* аспекте – как процесс, который обеспечивает изобилие товаров (ибо это и есть *ожидаемое*, которое *желаемо* большинством людей, не очень-то думающих о коллизиях конца XX века и о пределах эффективности экономики как таковой).

Наша экономика не даёт *желаемых* результатов. И это (по мотивам сугубо эмоциональным) трактуется в том смысле, что её надо настроить на необходимую (т. е. ЖЕЛАЕМУЮ) отдачу: утилитарный подход. Но эпоха требует преобразования!

Наше отношение к экономике не может не зависеть от того, ориентируемся ли мы на *ретроспективу*, или же мы ориентируемся на *перспективу*.

Если на ретроспективу (а ретроспектива – это господство накопленного труда над трудом живым, собственности – над деятельностью, меновой стоимости денег – над ЦЕННОСТЬЮ творческой личности), – то экономика возводится в абсолют и будет иметь преимущественное и даже господствующее значение.

Если же – на перспективу, то экономика будет иметь необходимое, но далеко не господствующее значение.

Факт несоизмеримости этих двух ориентаций «подсказывает», что вся проблематика должна быть переведена в новую МЕРУ ОТНОШЕНИЙ. Иными словами, в рамках экономических отношений проблема гуманизации труда решена быть не может. Ибо: экономика, реформируемая на экономической основе (то есть на такой основе, когда прошлый труд господствует над трудом живым) – это тавтологический подход и потому – миф, блеф, ибо при такой установке НЕ осуществляется развитие человеческого творческого потенциала СВЕРХ той мер, которая диктуется необходимостью производить товары. А нам, при нашей отсталости, необходимо именно СВЕРХразвитие.

Нам, чтобы преодолеть 75-летний провал, необходимы не только товары (на которых в сознании людей «свет клином сошёлся»), но и новый тип социального существования, который

необходимо осуществить, чтобы выполнить реформирование во всём его значении для НАШЕЙ страны.

Когда мы дотянемся до изобилия товаров (а на это при экономической детерминации потребуется лет 200-300), пока мы «дотумкаем», «докумекаем», как их производить, – наиболее развитые страны уже откажутся от ориентации на товарный фетишизм и изберут ориентацию на человека, на его способности и таланты, на его творческий потенциал. Это будет ставка на новое человечество, ибо товарноориентированное человечество, как это скоро станет ясно, не выживет.

2. Необходимо новое прогрессивное руководство, открытое для эпохиально-новых идей. Пора кончать с экономической ограниченностью мысли.

Замена Е.Т. Гайдара на В.С. Черномырдина, происшедшая 14/XII-92 г., в этом плане ничего не обещает, потому что на смену одному узкому специалисту приходит другой узкий специалист и при том – технократ (кандидат технических наук).

Необходимо же создание атмосферы новаторства во ВСЕХ областях жизни, творческого поиска гуманитарного по содержанию во всех сферах человеческой жизни и, прежде всего:

- а) в социальной технологии;
- б) в семейных отношениях;
- в) в социально-педагогической области;
- г) в социально-культурных отношениях;
- д) в социально-интеллектуальной революции.

Необходима теория, способная обосновать систему необходимых действий на перспективу. Ни В.С. Черномырдин, ни Е.Т. Гайдар с позиции такой гуманитарной теории пока не выступили. И не выступят!

3. Пока лидерами реформ будут люди, исповедующие утилитаризм, люди, предпочитающие *пользу* – пониманию *истинного* положения вещей, – адекватные реформы не могут состояться и будут происходить усилия, не включающие в себя функцию опережающего отражения действительности, которая так необходима нашей стране сегодня. Примером может служить борьба вокруг осуществления проекта Катуньской ГЭС. Утилитаристы видят в этой станции только пользу и не видят, что создание водохранилища повлечёт за собой глобальную экологическую катастрофу, связанную с опасностью (прежде всего) ртутного заражения бассейна Оби и Ледовитого океана. Экономические цели, когда думают *только* о том, чтобы реанимировать конкурентную экономику и пренебрегают экологическими приоритетами, когда пренебрегают целями, чтобы общество, государство, право и политика были поставлены в положение ответственности перед новыми приоритетами, за которыми будущее (перед семьёй, перед личностью, являющейся главной творческой силой, от которой надо получить разрешение всех проблем и противоречий, перед новой культурой труда, являющейся субстанцией будущего жизнеустройства). Особенно новая культура труда должна утверждаться как культура труда, производящая развитие (РАЗВИТИЕ!) человека в качестве творческой личности и инфраструктуры творчества, противостоящего понятиям утилитаристов – она должна быть поставлена на первое место, а уже потом – задача профессионализации человека как производителя товаров.

Следовательно, необходима теория глубоких реформ, реформ с гуманистической направленностью, а не просто реформ с экономической ориентацией. Это крайне существенно.

Истина современного бытия заключается, во-первых, в том, что её нельзя постичь и вывести из импульсов желудка, или – из рекламных устремлений производителей товаров и вообще – из утилитарных ориентаций так называемых «простых людей»; такая «простота» была бы «хуже воровства», как говорит русская поговорка.

Истина современного бытия заключается, во-вторых, в том, что, предпринимая меры к созданию **товарной достаточности** (как это делают экономисты и технические специалисты, руководствуясь философией утилитаризма), наше общество рискует оказаться и определённо окажется в состоянии **недостаточности творческого потенциала**.

Истина современного бытия, в-третьих, заключается в том, что нацеленность на продуктивную рыночную систему, – к которой Европа шла столетиями – в совсем иных условиях, чем идём мы сегодня, – может привести нас к тому, что наступит такое усугубление кризиса окружающей среды и такое снижение уровня здоровья нашего населения, что товары, *объективно*, перестанут быть приоритетной потребностью населения. И естественно, ибо недостаток творческого потенциала не позволит поднять уровень здоровья и снижать товарные цены, не позволит решать ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ проблемы, не позволит иметь исторически необходимый научно-технический прогресс, не позволит повышать квалификацию работников и культуру их отношения к среде обитания.

Уже сегодня 33% территории бывшего Союза ССР непригодно для проживания населения по экологическим нормам.

Но эта статистика скрыта от людей, как после Чернобыля скрывали меру ущерба территориям, скрывали потому, что *нет экономических ресурсов*, чтобы компенсировать людям нанесённый ущерб. В 1989 году эта процентная доля непригодных территорий определялась в 8%. Динамика роста процента непригодности всего за 3 года с 8% до 33% является следствием двух моментов: 1) расширения исследования и осознания этого вопроса; 2) интенсификации заражения окружающей среды. Особенно возрастает радиоактивное и химическое заражение, вызванное (надо понимать) *экономическим отношением* промышленного, да и сельскохозяйственного производства к сфере жизни, к биосфере.

Но так как «экономическое мышление» столь явно доминирует, то непонятно, кому будут нужны товары в радиационно-опасной среде обитания, да к тому же ещё опасной в геохимическом отношении, когда будут отравлены источники питьевой воды, воды, которую мы пьём и не можем не пить?! Причём здесь товары и «гайдары» (т.е. экономисты)? Если к этому прибавить ещё СПИД, эпидемия которого разрастается, как невидимый пожар, то надо уже сегодня делать вывод о том, что наше **общество столкнулось с неопределённостью, которая возрастает по экспоненте** (т.е. лавинообразно, так как многие факторы в нашей практике вообще не учитываются). И «экономическое мышление» – это весьма неадекватная реакция на ситуацию. Ведь в действительности команда Е.Т. Гайдара без Е. Гайдара, как и с Е.Т. Гайдаром, решает проблемы ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX века и **более ранних десятилетий**, будучи *фактически* поставленной в ситуацию XXI века! И этот анахронизм «экономического мышления» никого, кажется, не беспокоит.

Истина современного бытия, в-четвёртых, заключается в том, что в нашей стране сохраняется инерция психологии «строительства социализма в одной, отдельно взятой стране», но – перенесённая на процесс создания рынка – как «рынка в одной, отдельно взятой стране».

И когда эта «отдельно взятая» распалась, и каждая её «часть» устремляется (по своим кустарным рецептам) к *своему* «отдельно взятому» рынку и к отдельной денежной системе, то эта дезинтеграционная инерция (на фоне интеграции Западной Европы и ЕЭС) приобретает карикатурные формы и может вызвать только сарказм. Капитализм уже в XIX веке создал *мировой* рынок товаров, а затем и *мировой* рынок капиталов, но при всём при том не стал системой, во всех отношениях удовлетворяющей критериям гуманистического общества, так как установка на *пользу* и господство утилитаристской философии во взглядах как населения, так и руководящих кругов, ни в коем случае НЕ может означать, что найден *истинный* путь развития. И сейчас, когда происходит колоссальный всплеск коррупции в высшем чиновничьем аппарате (взятка в миллион рублей становится «обычным явлением»), разрастание объёмов торговли наркотиками и бурный рост наркомафии, невиданный рост проституции (см. статью «Турецкий марш и обратно», «Известия», № 278, 26 декабря 1992 г., с. 8), рост всех видов преступности, в том числе и организованной, увеличение количества детей, лишившихся родителей, деградация родительских чувств вследствие массового алкоголизма, тайная торговля детьми, их вывоз из России за доллары и т. д. и т. п., – разве всё это не свидетельство того, что «рыночная экономика», оправдываемая утилитарно-меркантильными аргументами наших уважаемых экономистов-реформаторов, «процветает», представляя в то же время разрыв с критериями гуманистического общества и с нормами человеческой морали?! Сколько же ещё надо продолжать, чтобы общество смогло опомниться?!

Итак, создавая «отдельные рынки» в «отдельно взятых странах» СНГ, наши уважаемые организаторы рынков (как это когда-то было с организаторами социализма) не осознают, что коренные (= объективные) потребности эпохи кануна XXI века заключаются, собственно, не в рынке и не в конкуренции, не в денежном регулировании обменных процессов и потоков товаров, а в самом оптимальном обмене веществ между человеком и природой. И этот обмен веществ, составляющий сущность жизни, вместе с её энергетической подпиткой, – не обязательно должен иметь товарно-денежное опосредствование. И если товарно-денежное опосредствование обменных процессов порождает чудовищную коррупцию, наркомафию, организованный бандитизм, всеобщую продажность, сращивание бюрократии с криминогенными структурами, проституцию, торговлю людьми и детьми, и всё это чревато экологическим коллапсом, ибо природой тоже торгуют, как и всем другим, – то надо думать над перспективой, задуматься над вопросом: «Так ли уж необходимо, чтобы обмен веществ между человеком и природой, составляющий сущность жизни, обязательно осуществлялся бы через всеобщее товарно-денежное отчуждение всех природных, социально-культурных и личностных сущностей?!»

Тупиковость ситуации состоит в том, что наши уважаемые реформаторы НЕ могут и не смогут на базе республик СНГ создать мировой рынок (вместо рынка «одной, отдельно взятой страны»). А если они даже ухитрятся войти в мировой рынок, то они не смогут в нём успешно конкурировать (и ещё не известно, чем и как за это «вхождение» придётся заплатить). А без успешной конкуренции не может быть успешной экономической реформы. – Ибо: долг путь примитивной методологии. –

Логически из этой ситуации просматривается единственный выход: необходимо преодолеть («снять») товарную форму обмена веществ между человеком и природой, так как эта форма блокирует расцвет творчества личности сверх мерок нужд товарного производства как производства вещей, а не личностей, как производство меркантильных стоимостей, а не гуманистических ЦЕННОСТЕЙ.

Не расширив базиса мышления, нельзя решить назревшие проблемы реформ. Но наши уважаемые реформаторы не хотят расширить базис мышления... или не могут этого осознать, чтобы это сделать. Они продолжают считать товарообмен – единственной формой обмена веществ между человеком и природой. Отсюда-то и проистекает примитивизм методологии.

Повторяю: пора кончать с экономической ограниченностью мысли! На Земле всё больше убивают! И пока высшей «ценностью» будет считаться товар, (или «золотой телец»), а не человек, – просветления в умах не произойдёт, и надежды на лучшее будущее не будет, в качестве *реальной надежды*, разумеется.

Истина современного бытия, в-пятых, состоит в том, что мы как общество НЕ ЗНАЕМ, КАК нам должно действовать, чтобы выйти из трагической ситуации, в которой оказалась страна после 73 лет управления, *проводившегося людьми, совершенно безразличными к необходимости в глубокой теоретической обоснованности своих управляющих практических действий.*

Ни В.И. Ленин, ни И.В. Сталин так и не осознали, что значит *теория созидания будущего*. Это видно хотя бы из того, что в «Что делать?» Ленин писал, что роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией (1902 г.) (см. Ленин В.И. ПСС, т. 6, с. 25). И слова эти у Ленина даны курсивом.

А в 1923 г. в статье «О нашей революции (по поводу записок Н. Суханова)» мы находим у Ленина такую формулу: «Сначала надо ввязаться в серьёзный бой, а там уж видно будет». «Вот и мы, – пишет Ленин, – ввязались сначала в октябре 1917 года в серьёзный бой, а там уж увидели такие детали развития (с точки зрения мировой истории это, несомненно, детали), как Брестский мир или НЭП и т. п.» (См. там же, т. 45, с. 381.)

– Так что же, спрашивается, нужна «передовая теория» или достаточно того, чтобы «ввязаться в серьёзный бой», а там уж видно будет?! – Это, во-первых, имеет явный признак авантюризма.

Во-вторых же, примеры, приводимые Лениным, *касаются политики, а не теории* созидания будущего. Ибо Брестский мир и НЭП – это политика, **а не теория созидания нового социума**. И эта **подмена теории политикой** – характерная черта всего «периода строительства социализма». Наши бывшие руководители даже не понимали различия теории и политики. Им казалось, что, как только их уста отверзнуты, так тотчас же из них низвергается теория. Так что теория им лишь КАЗАЛАСЬ. Но казавшееся им – теорией не было.

Вот как, например, Ленин понимал создание таких предпосылок социализма, как «цивилизованность»: «Для создания социализма, говорите вы, – спрашивал В.И. Ленин Н. Суханова, – требуется цивилизованность. Очень хорошо. Ну, а почему мы не могли сначала создать такие предпосылки цивилизованности у себя, как *изгнание помещиков и изгнание российских капиталистов*, а потом уже начать движение к социализму?» (См. там же, с. 381, курсив мой. – Н.Н.). – Кстати, китайцы после своей социалистической революции в 1949 году

воздержались от *изгнания* своих капиталистов, а у нас при Ленине и по его инициативе *изгнали ещё и учёных*, в 1922 г., и под угрозой расстрела запретили даже думать о возвращении в Россию.

Во всём этом чётко просматривается такой логический момент, как отрицательное определение социализма. По логике действий Ленина получалось, что социализм в его представлении это общественный строй «без»: без помещиков, без капиталистов, без учёных-гуманитариев (учёных естествоиспытателей и технических специалистов большевики соглашались ещё терпеть), без свободы печати, без свободы передвижения и выезда и т. д.

Из логики известно, что отрицательные определения не выполняют главной цели определения, заключающейся в том, чтобы раскрыть существенные признаки определяемого предмета, и не характеризуют определяемое специфическим образом. В данном случае, когда социализм определяется **посредством отрицательных определений** («без», «без», «без»...), это общество **не определяется специфическим образом**: не раскрываются его существенные признаки. – Это, видимо, не случайно. Известно, что в аттестате зрелости В.И. Ульянова по логике стояла «четвёрка». Предмет сей, видимо, был не из категории любимых, не из вызывающих прилежание гимназиста Ульянова. Отсюда и произошло, что даже в конце жизни, даже после конспектирования «Науки логики» Г.В.Ф. Гегеля Ленин так и не уяснил, что отрицательные определения непродуктивны и что «цивилизованность» не может быть основана на изгнании, на изгнании, на изгнании, на запрещениях и на расстрелах и т. п.

Что касается Сталина в качестве теоретика, то у него «логический потенциал» принимает прямо-таки «кричащие» формы (воспользуемся выражением В.И. Ленина, из его политических статей о Л.Н. Толстом).

И.В. Сталин сосредоточил свои усилия и свой интеллект, главным образом, на двух моментах: на *уничтожении* классов и на *уничтожении* частной собственности и полагал, что в результате этих двух **отрицательных действий** в нашей стране победит социализм. Но так как у Маркса и Энгельса классы и частная собственность истолкованы довольно сложно (и то и другое обусловлено у них наличием разделения труда¹), то, не видя, каким образом можно избавиться от разделения труда **как от причины, которая порождает классы и частную собственность**, И.В. Сталин решил *упростить* эту историческую задачу и принялся НЕПОСРЕДСТВЕННО за классы крестьян, кустарей-одиночек, кулаков и *непосредственно* за частную собственность – как за *следствия* системы разделения труда. Кулаков топили целыми баржами в Белом море, высаживали под зиму в Енисейской тайге, где на сотни километров нет жилья, загоняли в ГУЛАГ, словом, физически уничтожали «как класс». Учёных тоже подвергли «отрицательному определению»: их загнали в так называемые «шарашки» – за колючую проволоку и преподали им, «как надо Родину любить»: не было, кажется, ни одного авиаконструктора, который бы «не сидел». С.П. Королёв побывал на Колыме и прошёл там курс строительства социализма «в одной, отдельно взятой стране»... Таков, далеко не полный, очерк теоретической компетентности руководителей, управлявших «строительством социализма» в нашей стране.

Сказать что-либо вразумительное о *теоретичности* Н.С. Хрущёва, Л.И. Брежнева и т. д. не представляется возможным. И порой создаётся впечатление, что все эти политические лидеры

¹ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 293; т. 3, с. 31.

только прикрывались своей «приверженностью» действительной теории ради единственного мотива – «навластвовать всласть».

В истории духовного развития России возникали вопросы: «Кто виноват?» (А.И. Герцен), «Что делать?» (Н.Г. Чернышевский), «Что есть русский характер, русская душа?», «В чём состоит русская идея?». Создавались метафорические символы России: «Мертвые души» (Н.В. Гоголь), «Обломов» (И.А. Гончаров), «спящая царевна» (А.С. Пушкина), «История города Глупова» (М.Е. Салтыкова-Щедрина), «Страна дураков» Е.Л. Шварца (1896-1958) и т. д. Но всё это – далеко от того, чтобы быть хотя бы «кирпичиком» необходимой теории.

Сегодня в истории духовного развития России наступил момент, когда дальше двигаться без **ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЙ ТЕОРИИ** – нельзя, невозможно, немыслимо!

Сегодня впервые квинтэссенция духовной жизни России должна сосредоточиться в вопросе:

*Как нам должно действовать? Каким **СОЦИАЛЬНЫМ** способом нам должно встать на истинный путь?*

Те критические замечания, которые были сделаны выше в адрес В.И. Ленина и И.В. Сталина – есть лишь намёк на то, что **политические решения** политических лидеров страны ни в коем случае нельзя принимать за **ДЕЙСТВИТЕЛЬНУЮ** теорию

Ибо **политические решения** – это **надстроечные построения**, замыкающиеся в рамках «искусства необходимого» маневрирования в области надстроечных отношений.

Теория же должна быть фундаментальна!! А быть фундаментальным в социально-философской теории это значит ставить и решать вопросы об устарелости данной (наличной) типологии труда как способа развития действительной жизни, что не имеет ничего общего со сталинским «способом производства материальных благ» как тезисом примитивным.

Истина современного бытия, в-шестых, заключается в том, чтобы обрести **способность выбора** между технократическим и гуманистическим способом действия. Есть опасность, что технократический способ действия по инерции может возобладать и в связи с попытками реформ. Ведь у нас 70 лет бытовал термин «строительство социализма», и под этим пресловутым «строительством» понимали буквальное *строительство* (электростанций, тракторных заводов и прочих индустриальных объектов), то есть господствовало «строительно-монтажное мышление» и на первый план в команде руководителей выдвигались люди с техническим образованием. Они-то и придали пресловутому «строительству социализма» технически-технократически-утилитарное значение и содержание.

Реформы, которым ныне предстоит состояться, должны быть поняты и реализованы, в сущности и прежде всего, как социально-гуманитарная практика, а не как «монтажирование с колёс» объектов промышленности и энергетики. Есть опасение, что В.С. Черномырдин как технический специалист, хоть и кандидат технических наук, но как человек со строительно-монтажным опытом и соответствующим строем интеллекта, при подходе к **социуму**, который предстоит подвергнуть реформированию, будет ставить и решать отнюдь не гуманитарные, а технические задачи. И его первые шаги в отношении к топливно-энергетическому комплексу и к атомной промышленности это уже подтверждают.

Истина современного бытия, в-седьмых, состоит в том, что у реформаторов, приступающих к своим реформам, нет программы реформ; они её стремятся создать «по ходу дела».

Программы не было у Е. Гайдара, нет и у В.С. Черномырдина.

Ясно, что программы **и** не может быть, потому что у реформаторов нет социально-философского видения страны и понимания перспектив человечества в целом на эпоху вперёд, на XXI век.

Ясно и то, что иметь концепцию перспектив человечества в целом и – видения страны в контексте новой эпохи – дело весьма сложное, да и к компетенции экономистов и технических специалистов **прямо не относящееся**. Экономистам свойственно ориентироваться на *пользу* (их предшественником в этом отношении является Иеремия Бентам (1748-1832), который рассматривал индивидуальные частные интересы как естественную основу общества, а общественные интересы сводил к сумме индивидуальных интересов).

Это очень заметно в практике приватизации по Чубайсу и вообще в «экономическом подходе».

Технические специалисты имеют свои ориентиры. Это: КПД (коэффициент полезного действия), *ресурс* и *надёжность* технического изделия, хотя им не чужд и критерий *пользы*; дело в том, что экономика и традиционная технология очень тесно соприкасаются, переходят друг в друга.

Но для эпохи, в которую вступает человечество, всего этого крайне мало. И чтобы развить концепцию, позволяющую достичь понимания эпохи и выработать теорию действительных реформ, необходим КРИТЕРИЙ способа действия, адекватный новой эпохе.

В выработке такого критерия и заключается главная истина современного бытия.

Начнём с того, что для человечества в конце концов самым важным и самым главным является такой способ действия, чтобы **не подорвать** нормальный, медико-биологически НОРМАЛЬНЫЙ, обмен веществ между человеком и природой! – И на фоне этого тезиса все товары, финансы, витрины и рекламы – это просто дополнительно примешивающаяся неясность, туманность мышления. – История жизни на Земле знает три типа обмена веществ между живым и неживым субстратом: ферментативный, окислительный и товарный (= экономический). Каждый из последующих типов обмена веществ между живой и неживой природой «вбирает» в себя предшествующий, но – в подчинённом виде.

Сейчас есть множество «мудрецов», склонных абсолютизировать товарный (т.е. экономический) тип обменных процессов. С их точки зрения (близорукой и тупой), альтернативы рынку-де нет, тогда как на самом деле рынок (и, следовательно, экономический тип обмена веществ между человеком и природой) – это тупик и начало деградации человечества и среды его обитания. Это несёт смерть биосфере, всему живому – через утилизацию ВСЕЙ среды обитания ради производства товаров.

Всё это упирается в характер технологии, адекватной экономике, экономическому типу обмена веществ.

Индустриализация, насчитывающая более чем два века своей истории (а началом её явилась промышленная революция в Англии, *ознаменовавшаяся* созданием паровой машины Д. Уаттом в период с 1774 по 1784 годы, и – сжиганием каменного угля с целью получения механической двигательной силы для функционирования разнообразных систем машин), произвела громадные, прямо-таки катастрофические *геохимические* изменения в географической среде обитания человека и всего живого. Сложилось (буквально за миг исторического времени) состояние, чем-то похожее (в функциональном отношении) на то, что было на Земле около 2 млрд. лет назад. Разумеется, что 2 млрд. лет назад человека на нашей планете не было. Но обменные процессы между живым и неживым уже были. И так как в то время в атмосфере Земли свободного кислорода не было и атмосфера состояла главным образом из углекислого газа, **то обменные процессы имели ферментативный характер**: жизнь примитивных организмов (вероятно, сине-зелёных водорослей) основывалась на внутренних процессах ферментативного восстановления.

Потребовался 1 млрд. лет, чтобы зелёные водоросли, способные осуществлять процесс фотосинтеза и выделять кислород в атмосферу, привели к тому, что доля кислорода в атмосфере составила 1% и создались условия для **окислительного типа обмена веществ**. Далее, видимо, само собой понятно, что за сотни миллионов лет зелёные растения во всём богатстве их форм, осуществляя реакцию фотосинтеза и забирая CO₂ из атмосферы, накопили в своих тканях, стволах деревьев и других видах биомассы, колоссальные объёмы углерода (вместе с другими химическими элементами) – в виде каменного угля, нефти, торфа, сланцев, природного газа и т. п. И это топливо составило энергетический ресурс индустриального производства, составляющего базис экономического типа обмена веществ, базис специфического разделения и организации труда.

Процесс теперь идёт в обратном направлении: сжигание **органического** топлива для приведения в движение **неорганических** (механико-физико-химических) технологий приводит к возрастанию доли CO₂ в атмосфере и как бы к возвращению к тому, что было 2 млрд. лет назад и к распылению (и к включению в обменные процессы) на поверхности Земли тяжёлых элементов (металлов), которые вместе с углем были надежно упрятаны в толще Земли и не могли оказывать патогенного воздействия на здоровье людей (ртути, кобальта, никеля, свинца, хрома, серы, радиоактивных элементов).

Намечается сдвиг *равновесного* соотношения углерода и кислорода в атмосфере Земли, которое благодаря фотосинтезирующей деятельности зелёной флоры существует примерно 50 млн. лет. По прогнозам учёных-естествоиспытателей последствия возрастания доли CO₂ в атмосфере (с 0,027 в 1860 г. до 0,032 в 1955 г.), а за пять лет – с 1958 по 1963 – CO₂ стало больше на 1,13% – означают, что к 2000 году в атмосфере углекислого газа будет несколько больше 0,04%.

Это приведёт к потеплению мирового океана на 2-3° С. А так как в толще мирового океана, по данным акад. А.П. Виноградова (1895-1975), углекислого газа растворено в 60 раз больше, чем его наличная масса в атмосфере, – то повышение температуры воды мирового океана вызовет **автоматический** процесс диффузии CO₂ в атмосферу и соответствующее возрастание «парникового эффекта», которое не удастся остановить никакими искусственными мерами, если в корне не изменить нынешние технологии товаропроизводства.

Вот что означают окислительные промышленные технологии! Вот что означает *товарный* тип обмена веществ между человеком и природой!

Ведь: думая о товарах, у нас никто не соединяет с мыслью о них ТО, что это – ТИП обмена веществ между человеком и природой. Не думают при этом и о ТОМ, что ИСТОРИЧЕСКИ товарообмен сопряжён с определённым историческим типом технологий, органически неотъемлем от них. – Чтобы это держать в голове, человеку надо было бы жить несколько тысячелетий, чтобы иметь **в личном** опыте (и, следовательно, **в личном** мышлении) различия в типах технологии, определяющие характер исторического образа жизни. –

Проблема, соответственно, заключается в том, что *товарный* тип обмена веществ органически связан именно с окислительной энергетикой: человечество как высшая форма движения материи **НЕ изобрело пока, к сожалению, адекватного себе способа обмена веществ**, а воспользовалось, приспособило к своим *соматическим* (= телесным) нуждам тот тип обмена, который был присущ *предшествующим* ему формам жизни. А ведь у человечества, по логике вещей, – должны быть свои, специфические (человеческие) критерии отношения к биосфере, свой – человеческий, т.е. социокультурный – тип обмена веществ! Отсюда и проистекает тот вульгаризм, тот примитивный материализм и товарный фетишизм, который характеризует специфически Западное общество.

Недаром Строб Тэлботт и Джон Коэн в своей статье в журнале «Тайм» подчёркивают страстную убеждённость русских «во врождённом превосходстве их духовного богатства в сравнении с выхолощенным материализмом Запада». (См. «За рубежом», 1993, № 1, с. 7.) Запад за столетия, – с XIV века, – закоснел уже в представлениях о ценностях товарно-фетишистского толка. И дело здесь не только в «окислительной энергетике», но ещё и в том разделении труда, которое вытекает из *неорганических* (механико-физико-химических) способов обработки вещества, которые являются символом промышленной революции и, собственно, – капитализма: из этого разделения труда, этого важнейшего условия **массового** производства товаров, вытекают важнейшие категории Западного общества (и его «метастазов» во всём мире): собственность, стоимость, конкуренция, товар, профит, частный меркантильный интерес и утилитаризм как высший ориентир этого общества.

Но истина состоит в том, что товарный обмен веществ – отнюдь не венец творения, так как не может удовлетворять перспективам **ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО** образа жизни и под угрозой экологической катастрофы должен быть заменён на более высокий тип **ОБМЕННЫХ** процессов.

Но пока в товарном типе обменных процессов видят сокровенную и будто бы фундаментальную потребность человечества и не допускают мысли, что может быть более высоко организованный – гуманистический – тип обмена веществ между человеком и природой (при котором гуманизм выражается в приоритетном развитии человеческих качеств и творческого потенциала личности и общества как субъекта **ВСЕЙ** истории, определяющего способ **ВСЕХ** обменных процессов на Земле), – товарообмен будет выступать в качестве всеобщего **ИДОЛА**, некоего псевдофеномена, которому будут приписывать самостоятельное значение.

«Мы никогда не сможем разорвать этот порочный круг, если духовные и политические лидеры будут упорствовать во мнении, что всё можно решить путём ещё более интенсивного экономического прогресса, и что всё можно наладить с помощью всего-навсего небольшого

технологического регулирования», – писал в журнале «Тайм» принц Филипп, герцог Эдинбургский – президент Всемирного фонда дикой природы. (См. там же, с. 3.)

Не расширив базиса мышления, – повторю этот тезис, – и, следовательно, не расширив характер социальной практики (а, с нею, и характер социальной технологии), невозможно будет разрешить назревшие проблемы реформ.

Надо донести до сознания нашего общества, что **БЫСТРЫХ** решений нет, что они невозможны, ибо в процесс реформ должна бы быть вовлечена громадная людская масса, остающаяся пока косной как по своим взглядам, так и по психологии. А сверх того – не имеющая чёткой концепции необходимого действия... Если уж правительство её не имеет...

Надо дать точный план относительно **ДЛИТЕЛЬНОГО** процесса решений, чтобы, с одной стороны, образовалась достаточная «критическая масса людей» («понимающая свой манёвр», как говорил А.В. Суворов), а, с другой, чтобы этот срок реформ «не уходил за горизонт личной человеческой жизни», т.е. чтобы он был психологически действенным, в среднем, для живущей массы людей.

Внимательный читатель, вероятно, уже сосредоточился на том **акценте**, который сделан в данном выше анализе ситуации в нашей стране:

а) ситуация гораздо сложнее (чем это высказано в нашей печати), чтобы её можно было уловить, освоить и сделать практические выводы – посредством «экономического мышления»;

б) важно видеть не только обмен товаров, но идти глубже и анализировать *ТИП* обмена веществ между человеком и природой и в самой природе, меняющийся под определённым энергетическим воздействием;

в) *тип обмена веществ* как категория, вводимая в систему мышления, связывает товаропроизводительный процесс с **адекватными ему технологиями** (естественными и искусственными) и потому, «вводя рынок», как говорят наши экономисты, становится более недопустимым держать в голове *только* финансы и товары и игнорировать влияние энергетики на природу (на динамику газового состава атмосферы, на геохимическое состояние поверхности Земли, на состояние здоровья населения и на состояние культуры населения).

А ведь экономисты-реформаторы, как и технические специалисты – под влиянием философии утилитаризма, которую они исповедуют, всё это игнорируют!

При этом оказывается:

1) что технологии, *применяемые в товаропроизводстве* (а об их характеристике никто в концептуальном плане не задумывается, ибо никто «не усёк», что это *неорганические*, то есть: механико-физико-химические технологии, то есть – противоположные и даже враждебные естественным (*органическим*) технологиям биосферы), возвращают газовый состав атмосферы Земли – в *тенденции* – к такому состоянию, которое было 2 млрд. лет назад;

2) что технологии, применяемые в товаропроизводстве, ведут к химическому заражению среды тяжёлыми металлами, радиоактивными элементами и другими медико-биологически вредными веществами, возникающими в индустриальном производстве в качестве выбросов и отходов.

При этом оказывается:

- 1) что тепловой баланс атмосферы Земли очень хрупок и выражается в сотых долях процента CO_2 и что нарушение этого хрупкого теплового баланса грозит массовой диффузией CO_2 из недр мирового океана в атмосферу;
- 2) что произнося слово «технология», наши уважаемые реформаторы об этих последствиях не думают, ибо им нужны лишь товары, товары, товары.

При этом представляется необходимым обратить внимание на то, что **органические** технологии (естественным прообразом которых является фотосинтез, например) способствуют возрастанию «суммы жизни» на Земле), а **неорганические** (т.е. как раз те, которые применяются в товаропроизводстве) являются причиной гибели и вымирания сотен тысяч высших видов организмов на нашей планете. И это закономерно, так как история эволюции биологических видов за многие сотни миллионов лет никогда не соприкасалась со специфическим воздействием неорганических технологий на биосферу – человек современного (кроманьонского) типа существует, примерно, 50.000 лет. И его технологии столько же.

Поэтому такой фактор, как специфические ПОТРЕБНОСТИ современного человека, *как и способ их удовлетворения*, это сравнительно новые обстоятельства, вклинившиеся в эволюцию биосферы. И тем не менее, на грани XX и XXI столетий, – если человечество хочет выжить, – должно произойти существенное изменение в ПОНИМАНИИ содержания действительных потребностей человека и неизбежно – изменение в способе их удовлетворения. А следовательно, неизбежны изменения в технологиях, которыми пользуются люди, ибо новый тип потребностей обуславливает изменения характера технологии.

Одной из слабостей мышления наших уважаемых экономистов-реформаторов по вопросу о содержании реформ остаётся их догматическое понимание *потребностей* современного общества. Потребности эти понимаются ими утилитарно и субъективистски, то есть – в аспекте получения непосредственной пользы от определённого набора вещей для рядового индивида (всё то, что необходимо для того, чтобы есть, пить, иметь одежду, иметь жилище). Но в состав потребностей наши уважаемые экономисты не включают всё то, что необходимо, чтобы *развивалось общество* СООБРАЗНО с новыми *историческими* обстоятельствами, чтобы социум (а следовательно, – труд и разум) имел силы, способности, таланты, творческий потенциал, позволяющий ответить на «вызов времени» и выжить в очень непростых экологических, геохимических, радиационных, экономических, демографических, межнациональных, социально-психологических и т. п. обстоятельствах... Всё это можно и нужно квалифицировать как *объективные потребности эпохи*, так как они НЕ зависят от субъективных (чувственно фиксируемых, в основном – физиологических) поползновений индивидов и выражают тенденции СОЦИУМА в целом – как исторического организма, живущего по законам социального времени и обязанного РАЗВИВАТЬСЯ по тем же законам.

Наши уважаемые экономисты в отношении *этих* потребностей – похоже – совершенно слепы. А между тем, удовлетворение субъективных потребностей индивидов, – вокруг чего и вращается реформаторская мысль наших уважаемых экономистов, – зависит в нашу эпоху напрямую от процесса реализации ОБЪЕКТИВНЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ ЭПОХИ. И это означает, что экономические цели и сами экономические реформы – **непосредственно нереализуемы**. Условием реализации экономических реформ является реализация ОПЭ (объективных потребностей эпохи). Наша страна имеет уже очень большой опыт провалов реформ. Провалились реформаторские попытки Н.С. Хрущёва, который искал ключи к перестройке в совнархозах и в

разделении райкомов на сельские и городские (административный аспект) и в применении торфоперегнойных горшочков и в кукурузе (технологический аспект). А затем провалились реформы А.Н. Косыгина (1965-1966 гг.). Провалилась продовольственная программа Л.И. Брежнева. Провалилась и попытка Н.И. Рыжкова сделать акцент на машиностроении и на металлургии и т. д.

Реформаторы не понимали и сейчас не понимают, – включая и Егора Гайдара, – что существуют объективные потребности эпохи, то есть – такие, которые не зависят от субъективных иллюзий, от желудочно-кишечных импульсов реформаторов, у которых до сих пор ум, по всей видимости, находится в желудке.

Беда наших сегодняшних политиков и реформаторов имеет в корне своём иллюзию: им *кажется*, что все возникшие перед нашей страной проблемы – это **непосредственно** решаемые проблемы.

Такое уже было в предшествующий исторический период: большевикам-ленинцам, а затем Сталину и сталинистам *казалось*, что вся содержательность их борьбы «за социализм» как борьбы классовой, как борьбы политической, должна быть сосредоточена в области надстроечных отношений: в области политики и права.

Политики, таким образом, выступили деятелями, сосредоточенными НЕ на деле развития фундаментальных отношений – выступили нацеленными отнюдь не на *развитие фундамента* социума **как социума НОВОГО типа**. Им почему-то казалось, что новое общество может быть «построено», сохраняя старый базис: **без новой типологии труда, без новой системы технологии, без нового типа организации опосредствования обмена веществ между человеком и природой.**

У них всё сводилось, – если говорить **об ИХ понимании базиса**, – лишь к юридической трансформации отношений *права* собственности на орудия и средства производства, т.е. опять-таки – к надстроечным трансформациям, ибо право – это надстроечная категория.

А между тем Россия уже давно нуждается в преодолении «исторического порога», отделяющего эту страну от цивилизации Запада, и, следовательно, в «лестнице», чтобы этот порог одолеть.

Наши уважаемые реформаторы не видят ни этого «ПОРОГА», ни той «ЛЕСТНИЦЫ», которая позволит его одолеть. Россия и Запад находятся на различных исторических уровнях своего цивилизационного развития. Мы стоим перед высоченным «историческим порогом», в который упираемся лбом как в вертикальную «стену» на нашем пути, но не видим этой преграды. И без специальной «лестницы» эту «стену» нам не преодолеть. А нашим политикам, экономистам, аналитикам *кажется*, что перед нами ровный горизонтальный путь и что проблемы, стоящие перед нами на этом пути – это **непосредственно (политически и экономически) решаемые проблемы**. Ибо «порог», в который мы упёрлись – это не физический (видимый) порог, а комплекс обстоятельств, *требующий специфического интеллектуального постижения*, **которое недоступно людям, поднатеревшим лишь в политике и в экономике**. Новая МЕРА задач.

В чём же состоят ОПЭ (объективные потребности эпохи)? В чём – новая МЕРА ЗАДАЧ?

ОПЭ как новая МЕРА задач (*требующая нового мышления*) состоит в том, что в *действительности* нам нужны не товары, а ТАЛАНТЫ.

Приоритетно нам нужны не товары, а ТАЛАНТЫ (то есть – новый уровень дееспособности социума), и если мы его не будем иметь, если мы не создадим необходимой массы талантов и – на их основе – нового исторического уровня дееспособности общества, то мы никогда не получим необходимой массы товаров. Это – категорично и однозначно.

Таким образом, *приоритет всех приоритетов* – это новый уровень дееспособности социума! Вот над этим и надо работать. Это – новая МЕРА задач. Реформы по своему содержанию должны быть **НЕ экономическими**, а приоритетно социокультурными и гуманистически-конструктивными. А экономическая эффективность – это ЗАВИСИМАЯ ПЕРЕМЕННАЯ. А у Гайдара экономика первоначальна и детерминирует всё и вся.

С точки зрения обывательского мышления, – а почти все наши уважаемые экономисты – по духу своему обыватели, – и это очень ярко изложил уважаемый Н.П. Шмелёв в своём знаменитом обывательском манифесте – интервью «Литературной газете»,² и, в смысле мыслительной культуры, исповедуют «нищету философии» – задача реформ заключается в том, чтобы стремиться **к изобилию товаров путём всеобщего превращения в ТОВАР феномена рабочей силы**. Таково кредо экономистов.

На самом же деле СМЫСЛ реформ, смысл тех связей между людьми, которые должны быть приведены в действие, смысл потребностей, которые надо актуализировать, заключается в том, что все они должны быть исторически на порядок **ВЫШЕ** экономических потребностей и связей!

А что делают наши уважаемые экономисты-реформаторы? Они просто берут западную экономику как образец СВЯЗЕЙ и интересов (будто между нашим и западным обществом **НЕТ** цивилизационного порога **и будто ИХ тип цивилизации** и *через 500 лет ИХ истории* остаётся в гуманистическом и ценностном отношении безупречно адекватным будущей исторической эпохе) и пытаются перенести их в наше социокультурное пространство и называют это «реформой». Наши уважаемые экономисты не догадываются, что западная цивилизация стоит перед **СВОИМ** историческим «порогом». Наверное, можно было бы сказать, что джеффри саксы в большей мере хороши для англо-саксов, а для нас – quantum satis (сколько нужно) и при этом – чтобы **cavetant consules** (чтобы консулы были бдительны). Но наши «консулы» не всегда «бдительны», т.е. не всегда ищущи и критичны. Мысль должна быть адекватной эпохе и её *интегрированным трудностям*, а не просто – дефициту товаров на полках магазинов! Иными словами, мысль должна быть фундаментальной. Что же касается наших уважаемых реформаторов, то им явно не хватает фундаментальности подхода к ситуации, в которой мы оказались, так как они не понимают **глубины опосредствования**, которое должно быть осуществлено. Этого же не понимали и «организаторы строительства социализма» в нашей стране, ибо их заведомо надстроечная активность, как теперь всем стало ясно, была фундаментально-несостоятельной: нельзя перестраивая политические и правовые институты, преодолеть исторический, цивилизационный «порог», перед которым оказалась Россия. Активность «организаторов строительства социализма» была формой проявления «политического идеализма», да и «юридического идеализма», – если

² См. «Литературная газета» от 26 июля 1989 г., с. 12. И примечательно, что никто из экономистов не протестовал против этого обывательского манифеста.

определить это в терминах, присущих большевистской стилистике. Иметь политическую власть считалось главным и решающим условием преобразования общественной системы. А каково состояние интеллекта этих «политических мозгов» – **в смысле их способности положительно содействовать становлению принципиально нового и благополучного БУДУЩЕГО СОЦИУМА, практически не принималось во внимание.** И сегодня мы сплошь и рядом наблюдаем такую же жажду политической власти ПРИ отсутствии адекватной интеллектуальной (теоретико-методологической) экипировки. Подобно тому как большевики мыслили себе свой «социализм» совершенно капиталистически (планируя силовыми методами изменить лишь *распределение*, но отнюдь не производство), так и современные реформаторы мыслят себе свои реформы – в критериях традиционной меры производства: «как на Западе», а не как в БУДУЩЕМ. За преобразование России берутся политики как политики – без грана теоретического таланта.

Поэтому мы сегодня имеем дело с социальным сознанием, для которого характерно НЕПОНИМАНИЕ МЕРЫ фундаментальности преобразований, которая (как МЕРА) должна быть реализована, чтобы общество перешло в новое формационное состояние – смогло подняться на ступень нового уровня цивилизованности, одолеть ПОРОГ. Социально-философский анализ нашей истории после 1917 г. (анализ попытки «строительства социализма»), – а сегодняшние реформы в их исполняющейся модификации представляют собой своеобразную **методологическую параллель** этих попыток, – показывает, что большевики с самого начала СПОТКНУЛИСЬ теоретически и конкретно. Им казалось, что надо было преобразовать *собственность и власть*. В действительности же надо было преобразовывать ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (разделение труда) и КУЛЬТУРУ мышления (духовную сферу), т.е. нечто более глубокое и более значащее, чем собственность и власть. Именно это «более глубокое» и составляет тот «порог», который надо преодолеть. И тогда. И теперь.

Большевики не понимали, на ЧЁМ они споткнулись, потому что в их времена было ещё не реально браться за преобразование типологии деятельности, за преобразование разделения труда: к этому не было ещё ни технологических, ни культурных, ни научных предпосылок.

Большевики не осознавали, что разделение труда и типология труда – это действительная проблема. Не осознают этого и современные наши реформаторы. То есть – что действительная проблема это типология труда и характер его разделения, что это фундаментальная проблема и что только через неё можно увидеть *в истинном свете* корни решения всех других российских проблем.

При сохраняющейся у нас системе разделения труда невозможно преодолеть классовость общества, его буржуазность (со всеми отсюда вытекающими: коррупция, преступность, алкоголизм, наркомания и наркомафия, проституция и т.д. и т.п.), как невозможно «снять», в диалектическом смысле слова, отношения частной собственности, **порождающие эгоизм, антагонизм и войны**, его ценностно-нравственный примитивизм. И чрезвычайно характерно в этом отношении заявление Е. Гайдара: «Молодой капитализм, который мы строим, никогда не будет прекрасным, упорядоченным и благодетельным сразу. К нему надо идти постепенно. И новая буржуазия, она сначала (лет 100-150? – Н.Н.) будет такой, какая она есть. Как правило, в первую очередь спекулятивной, потому что никакие крупномасштабные вложения в производство эта буржуазия не сможет делать, пока мы не создадим минимальный уровень финансовой стабильности. (Пока МЫ не создадим для НЕЕ! – Н.Н.) При темпах роста цен, составляющих

десятки процентов в месяц, самое разумное поведение это, конечно, поведение спекулятивное». (См. Л.Г. № 1-2, 13/1-93, с. 11.)

Таков «критерий разумности» Е. Гайдара, откровенно высказавшегося с точки зрения интересов спекулятивной буржуазии, вышедшей главным образом из номенклатурных кругов. Это беспрецедентное заявление звучит (и звучит – *как само собою разумеющееся!*) всего-навсего – менее чем через полтора года после краха «социалистических структур» в нашем обществе!! Почему так быстро и так легко?! Да потому, что «социализм» у нас – промыслом Ленина и Сталина – НЕ был и НЕ мог быть *фундаментально обоснованным* строем: в недрах общества, в его фундаменте, сохранялось, во-первых, буржуазное разделение труда, во-вторых, технологическая основа производства оставалась идентичной буржуазной технологической основе и даже отставала от уровня наиболее развитых капиталистических стран, в-третьих, тип обмена веществ между человеком и природой был таким же, так же опосредствованным, как и у капиталистических стран, в-четвёртых, в распределении господствовал тот же принцип, что и при обмене товарными эквивалентами, правда – с искажениями в пользу интересов номенклатуры, которая и накопила «первоначальный капитал», ибо функционировала при сталинском псевдосоциализме **как господствующий класс**; наконец, в-пятых, надо отметить, что пресловутый сталинский «основной экономический закон социализма» как доктринарная формула, запечатлённая усилиями партийной пропаганды в психологии масс с акцентом на обеспечении «максимального удовлетворения материальных и культурных потребностей всего общества», представлял собою *утилитаристскую ориентацию* общества, тождественную ориентации буржуазного общества. То есть – отнюдь не гуманистическую ориентацию.

Это пресловутое «максимальное удовлетворение», – которое никогда не было достигнуто (ибо оно и через 40 лет³ не достигнуто нигде в мире), – предполагалось у Сталина осуществить таким вот словесным фортелем: «путём непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники». Но так как сталинское «социалистическое производство» оставалось – в идее и в натуре – *утилитарно ориентированным*, то все индивиды психологически воспитывались в духе доминанты «максимального удовлетворения» **своих** потребностей, – то есть утилитаристски и, значит, – буржуазно, и никто не кинулся и не стремился к максимальному развитию своих способностей и талантов как к приоритетному и доминантному признаку социализма!

Утилитарная ориентированность сталинского «социалистического производства» выражается в наличии и в признании у него лишь двух подразделений производства: группы «А» и группы «В». В этом собственно и состоит экономика. «Социализм» же как доктрина его доктринёров, как принципиально новый строй, а точнее говоря – *будущее*, определяемое без всяких «измов», по логике развития должно иметь третье подразделение – группу «С» – как подразделение социума (социальной динамики), ответственное за интенсивное производство талантов – за интенсивное производство творческого потенциала страны. Если группы «А» и «В» сосредоточены на производстве ТОВАРОВ, имеющих стоимость, то группа «С» призвана производить гуманистические ЦЕННОСТИ, НЕ имеющие стоимости, ибо эти ЦЕННОСТИ не измеряются рабочим временем, как им измеряются стоимости ТОВАРОВ.

³ После смерти Сталина (*прим. ред.*)

«Недоучёт» всего этого (если вспомнить, что по Ленину социализм – это учёт) и привёл к тому, что номенклатурные круги сталинского «социализма» с такой лёгкостью превращаются в «молодую буржуазию», как изъяснился Е. Гайдар, имея в виду «молодой капитализм».

Но «возвращение» от сталинского псевдосоциализма к гайдаровскому псевдокапитализму – не может быть действительным содержанием необходимых России реформ. Такое «возвращение» как продуктивный процесс вообще невозможно, ибо временем становления капитализма был и остаётся период XIV-XVIII веков – промежуток между возникновением мануфактур и периодом утверждения основных принципов промышленной революции. И только с точки зрения «профессиональной ограниченности» экономистов (есть такой термин в социальной философии⁴) можно утверждать, что реформаторы в России приступили к «строительству молодого капитализма». Это утверждение ещё один раз подтверждает, что в мышлении наших уважаемых экономистов сохраняется их характерный логический порок: отсутствует адекватное понимание категории социального времени, постулат историчности этого времени, а следовательно, – и историчности (специфичности) тех эволюционных стадий, которые переживает общество. Подобно тому как судьба феодализма была предreshена изобретением компаса, пороха (= артиллерии) и печатного станка, так и судьба капитализма и адекватной ему системы разделения труда предreshена изобретением персональных компьютеров, биотехнологий, космических летательных аппаратов и социально-интеллектуальных технологий, когда последние будут сосредоточены на том, чтобы обеспечить всестороннее развитие личности и её творческого потенциала (упомянутая группа «С»).

Персональные компьютеры, получив массовое распространение для индивидуального пользования, заложат основу для преодоления противопоставления умственного и физического труда. Биотехнологии в тенденции сработают на преодоление противоположности сельскохозяйственного и промышленного производства (противоположности города и деревни). Космические летательные аппараты постепенно приучат народы к мысли и к чувству, что Земля – это единый объект для общего исследования и общей заботы – силами всех народов, а не «лоскутное одеяло» противопоставленных друг другу интересов государств. А социально-интеллектуальные технологии как система учреждений и институтов, имеющих целью поднять творческий потенциал человека и человеческих ассоциаций – в конце концов приведут к тому, что ведущую, приоритетную роль в обществе будет играть ЦЕННОСТЬ человеческой личности, *ценность* ТАЛАНТА, а НЕ *стоимость* ТОВАРА, как это характерно для капитализма. Это надо особенно подчеркнуть: НЕ стоимость и не собственность, а ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ и МЫСЛЬ! Через эти категории надо видеть перспективу и идти практически в этом направлении!

Система буржуазного разделения труда, которая обусловлена сохранением духа мануфактуры в организации всей системы производства и тем, что в производстве товаров, которое ныне господствует как производство, – доминирующую роль играют неорганические («мёртвые») – механико-физико-химические технологии, – неизбежно уступит свою доминирующую роль **системе ассоциированного труда** (умственного и физического, промышленного и сельскохозяйственного, творческого и монотонно-репродуктивного), и это произойдёт вследствие того, что в *производстве*, которое не следует понимать лишь утилитарно, ибо станет оно гуманистически-конструктивным, возвышающим человека в первую очередь, а НЕ

⁴ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 301; т. 4, с. 159.

останется просто ТОВАРНЫМ, – ведущая роль перейдёт к *органическим* (биологическим) и к социально-интеллектуальным технологиям.

Этого грядущего *переворота* в технологической сфере, **переворота, уже давно идущего** и требующего, чтобы его осознали как ТЕНДЕНЦИЮ и при том – объективную, – наши уважаемые реформаторы, что называется, «в упор не видят».

Наши реформы никогда не станут эффективными, если мы предварительно не позаботимся о том, чтобы вооружить себя эффективным теоретическим мышлением, адекватной методологией социального действия. Америку, например, беспокоит, что доминирующая роль США в промышленности «высоких технологий» в послевоенный период постоянно ослабевает и, главным образом, в пользу Японии. Назначение Лоры д'Андреа Тайсон председателем экономического совета при президенте Клинтоне оживило дискуссию по этому вопросу, – сообщает экономический обозреватель «Файнэншл таймс» Мартин Вульф (см. «Известия» совместно с «Файнэншл таймс», 12 февраля 1993 г., с. V). В выступлениях же наших уважаемых реформаторов в печати ничего, кроме нудной и скудной экономической догматики, нет. На фоне той *чрезвычайной сложности* ситуации, в которой находится наша страна, и в контексте того шекспировского трагизма, в котором оказался наш человек с началом так называемых «гайдаровских реформ», – просто поражает до изумления ТО, КАК скудно и однобоко МЫСЛИТ НАШ ГЛАВНЫЙ РЕФОРМАТОР.

В нашей печати вообще наблюдается зияющий ПРОБЕЛ по вопросу о том, КАК МЫСЛЯТ соответствующие *активисты*, подвизавшиеся на поприще высоких видов деятельности.

Вот, например, выступление Егора Гайдара в клубе «Взаимодействие» на очередной встрече политиков, бизнесменов и экономистов, созданном под эгидой Рабочего центра экономических реформ при правительстве России (см. «Мегаполис экспресс», 1993, 3 февраля, № 5, с. 9).

Идиотизм в отношении к необходимости реформировать наше общество начался с того самого момента, когда кто-то удумал, что эти реформы должны быть *экономическими*, а массовый конформизм подхватил эту идиотскую идею и вдолбил её в общее сознание, придав ей прочность предрассудка. Между прочим, у древних греков слово «идиот» означало частного человека, не принимавшего участия в делах народа, в государственных делах, а также означало – *своеобразие, отклонение* (от нормы). Впоследствии «идиота» трактовали как невежду. Родственное слово «*идиосинкразия*» означало *своеобразное*, врожденное отношение организма к известным чувственным воздействиям. Так, например, Моцарт не выносил барабанного боя, а Валленштейн – мяуканья кошки, некоторые не переносят земляники и т. д. Своеобразие в отношении к реформам у нас выражается в утвердившемся ОДНОСТОРОННЕМ понимании этого **чрезвычайно сложного** социального процесса. Самое большее, что у нас в публичном и публицистическом обиходе признаётся по поводу реформ, так это связь экономики и законодательства: «А на большее ты не рассчитывай», – как говорится.

«Своеобразие» мышления Е.Т. Гайдара, и это видно в упомянутом его выступлении в клубе «Взаимодействие», как, впрочем, и во всех его публикациях в средствах массовой информации, – состоит в том, что *оно целиком пропитано духом финансового отчуждения и отчуждённости от всех человеческих качеств, от самой человеческой субстанциональности*. Человек, народ для Гайдара – это как бы фишки в финансовой игре. Поэтому-то он ни разу и не

выступил по телевидению перед народом с разъяснением своих реформ. А зачем это ему? Ведь всё равно фишки будут принесены в жертву. Он ведет игру «по большому счёту», и ему, следовательно, не до сантиментов. Корреспондент радио «Свобода» Владимир Басин (или Басов: было плохо слышно) 17 февраля 1993 г. назвал Гайдара «сверхсуперменом». Уж ли?! «Своеобразие» гайдаровского видения реформ состоит в том, что для него человек – это **лишь объект**, которому остаётся лишь маршировать и плясать под гайдаровскую «финансовую музыку». Но если в сфере этой реформы **нет места человеку как субъекту, освобождающему себя** от цепей отчуждения, то в представлении людей, на кой ляд и кому нужна такая реформа?! И вообще: *реформа* ли это? Своеобразие мышления Е. Гайдара как реформатора выразилось в том, что он начал реформу, не определив объёма и содержания понятия «реформа». Получилось, как в народном эпосе: «Пойди туда, не знаю, куда». Вот так мы и идём. А в результате мы читаем в упомянутом номере «М. Э.» признание нашего уважаемого реформатора: «Мы, кажется, сорвались всерьёз». И мудро было не сорваться и при том всерьёз и без всякого «кажется», когда *сложнейшая* система жизни страны и жизненных её связей (соотношение человека и общества, сфера потребностей, которую надо формировать, воспитывать, проблемы *развития* человека в духовном, в нравственном, в эстетическом, в мировоззренческом, в научном, в технологическом отношении, проблема *понимания* нами самих себя и того БУДУЩЕГО, которое возможно и которого хочет достичь каждый индивид и социум в целом) предстаёт в этой «реформе» *только* в финансовой ПРОЕКЦИИ, только – через финансовые отношения, *только* в ОТЧУЖДЁННОЙ от человека и социума (как *действительных* субъектов!) форме движения финансовых фишек. При этом человек и общество никогда не мыслятся как СУБЪЕКТ, как ДЕЯТЕЛЬ, как активная сила, ибо *они в сознании экономиста низведены до роли объекта*. Субъектом у Гайдара ВСЕГДА выступают финансы и экономика (то есть – товарно-денежные отношения).

«Человек» в системе «реформаторского» мышления уважаемого Е.Т. Гайдара подразумевается как «рабочая сила» (т.е. экономически категориально), а «рабочая сила» – как «товар». А «товар» – это, опять-таки, финансовая фишка, обозначающая определённый стоимостный эквивалент.

Вопрос о том, как МЫСЛЯТ деятели, от которых зависят судьбы страны, общества, государства, народа, БУДУЩЕГО надо отнести к числу НАЧАЛ, на которых должна быть построена теория действительных реформ нашего общества, да и человечества, ибо необходимость новой модели цивилизации ищут, осознают уже мыслящие люди на Западе.

Модель рыночной экономики, с которой, как с неким откровением, носится наш уважаемый Е.Т. Гайдар, в сущности, НЕ ПРИГОДНА для БУДУЩЕГО, ибо это будущее, – чтобы оно наступило, – должно стоять *ещё* «на трёх китах» (кроме экономики):

- 1) на адекватном развитии технологий;
- 2) на адекватных экологических отношениях в системе биосферы и социосферы;
- 3) на адекватном развитии талантов как основе *новой дееспособности* социума.

«Высокие технологии», о которых идёт дискуссия в экономическом совете при президенте США Б. Клинтоне – это предприятия таких отраслей промышленности, как электроника, инфракрасная техника и отрасль средств связи. Сам термин «высокие технологии» мало что значит в социально-теоретическом смысле. Даже если бы у нас в правительственных кругах этому

предмету уделялось внимание, это не много бы дало в теоретическом отношении. Согласно приведённой уже выше классификации *типов* технологии, так называемые «высокие технологии» были отнесены мною к **неорганическим технологиям** и при этом была подчеркнута их причинная связь с товарным производством и с мануфактурным типом разделения труда и, следовательно, с экономическими отношениями как с историческим типом социально-производственных отношений, реализующихся через рынок.

Недавно гамбургский журнал «Шпигель» опубликовал эссе на тему: человечество ищет новую модель цивилизации. («Известия» писали об этом в № 28 от 13/II-93, с. 9.) Его авторы, немецкие публицисты Ханс-Петер Мартин и Харольд Шуман подчёркивают, что проторённые (т.е. экономические) пути к достижению материального благополучия ведут, по существу, к самоуничтожению человечества.

Следует принять в качестве определения, что технология – это способ извлечения и использования вещества, энергии и информации для получения потребительных стоимостей и ценностей трёх уровней:

- 1) потребительных стоимостей в вещественной форме (т.е. товаров);
- 2) ценностей в личностной форме, что выражается в возможности использования социальной и информационной техники для развития талантов и способностей личности;
- 3) ценностей в социальной форме, что выражается в возможности использования социальной и информационной технологии для развития самой субстанции общества – труда, который ранее (при неорганических технологиях) мог быть только утилитарно-ориентированным процессом.

Из этого определения логически вытекает, что труд и, следовательно, общество могут быть не только утилитарно-ориентированным процессом, но и гуманитарно (гуманистически) ориентированным. И поскольку экономика, – при её современных масштабах и при громадном народонаселении, – ведёт к разрушению биосферы, то гуманистическая ориентация общества и труда становятся приоритетом всех приоритетов. А из этого вытекает совершенно новая технологическая политика: упор надо делать не просто на «высокие технологии», а на технологии, обеспечивающие высокий творческий потенциал личности, обеспечивающие трансформацию рабочей силы, обладающей стоимостью, в творческую личность, являющуюся носителем гуманистической ЦЕННОСТИ. Это и позволит поднять все феномены общественного жизненного процесса, поднять исторически на порядок выше, как уже было сказано.

Надо отрешиться от уверенности, что образ жизни будущей России **уже найден** в тех моделях и представлениях, которые Е. Гайдар связывает с молодой спекулятивной буржуазией и, как он говорит, с «молодым капитализмом». Этим молодым людям *кажется*, что днём на своих спекуляциях они зарабатывают столько, что **могут себе позволить** вечер в ресторане с шампанским и чтобы стол был «полной чашей». Как показало центральное телевидение, 6 января 1993 г. в «Бизнес-клубе» в Санкт-Петербурге был банкет, на который преуспевающие бизнесмены пригласили наших уважаемых экономистов (в том числе Е.Т. Гайдара), политиков, артистов, женщин. Всё было так празднично, произносились речи (о том, что рыночная реформа необратима, и другие)... Но кто с уверенностью скажет, что найдена уже модель нашего будущего? И что нас ждёт (какая кровь?) от того, что мы вступили на проторённую тропу экономических

реформ в конце XX века, **когда кончается сама эпоха?..** Эпоха экономики, эгоизма, антагонизма, индустриализма? Когда всё так *недодумано*? Неужели «ресторанное счастье» это и есть тот ИДЕАЛ, к которому надо стремиться нашей России? Именно потому, что народы бывшего Союза потратили 73 года не так, как это должно было бы быть при нормальном ходе исторического процесса (т.е. – без «социалистических» иллюзий и коллизий), сегодняшняя модель развития нашего общества не может быть экономической. **Этого было бы слишком мало**, чтобы компенсировать образовавшийся провал во времени и в творческом потенциале. Все, кто мечтает о ВОЗВРАТЕ (то ли к «социалистическому», то ли капиталистическому обществу), заблуждаются ПО СУЩЕСТВУ. Ни того, ни другого ВОЗВРАТА не может быть. Единственная реальная перспектива – это идти ВЫШЕ: осмысливать общество, по крайней мере, в трёх «измерениях» («А», «В», «С»), а не так плоско, как это делают наши уважаемые экономисты, знающие только две «координаты» («А» и «В», кои сидели на трубе).

Макс Вебер обосновал значение протестантской этики для становления духа капитализма.

Но и для современного, переживаемого нами, периода, несомненно, необходима своя, адекватная этика! Где она? Элвин Тоффлер в своих прогнозах обо всём современном мире в целом говорит: «Мы уже наступили на банановую кожуру и можем поскользнуться». По Э. Тоффлеру, ситуация в современном мире такова (а всё ведь в этом мире, как считают экономисты, обуславливается экономикой), что в ближайшей перспективе произойдёт распад США, Канады, Индии и Китая. Тоффлер считает, что мир вступает в период великой неуверенности и ещё большего беспорядка и смут. Трудности и социальная напряжённость ждут Россию и другие страны Восточной Европы.

Маастрихтские соглашения, – по Тоффлеру, – вместо того чтобы помочь Западной Европе, создадут ещё большие проблемы, т. к. идея интеграции принадлежит прошлому, основывается на предпосылках, соответствующих особенностям того индустриального мира, которому суждено исчезнуть.

Грядущего *переворота* в технологической сфере, – состоящего в том, что доминировать станут органические технологии (т.е. биотехнологии) и – сверхорганические технологии (т.е. – социально-интеллектуальные, социально-культурные, социально-педагогические, социально-демографические и т. п.), – надо не просто ждать, но делать его. А неорганические технологии, порождающие мануфактурное (т.е. буржуазное) разделение труда, обретут статус *зависимых*, подчинённых технологий – и этого никто, видимо, не понимает и не осмысливает в среде наших уважаемых реформаторов при определении стратегии реформ. А стратегию-то ведь надо искать здесь!!

Как показывают последние события в области политической, социальная мысль, не имея адекватной теории, мечется (буквально «мыкается») между двумя полюсами: между планом и рынком.

Президент Казахстана Назарбаев объявил о возврате к государственному планированию (см. «Известия» № 14 от 26 янв. 1993 г.). Им были выделены следующие приоритетные отрасли: топливно-энергетический комплекс, потребительский сектор, металлургия, коммуникации (см. там же, с. 2). Президент Казахстана назвал тенденции, возобладавшие в бывшем Советском Союзе с самого начала зарождения идеи рыночных преобразований «экстремистскими» и заявил, что экономика Казахстана становится и ещё много лет будет «полурыночной». Но возможен ли такой

гибрид? – Среди сделанных им критических замечаний привлекают внимание выводы о том, что рекомендации экономистов по поводу реформ – весьма легковесны, носят компилятивный характер и являются «научнообразным» изложением различных статей, опубликованных в средствах массовой информации, и это преподносится как серьёзные предложения, направленные на улучшение экономической политики правительства. Отмечается, что не помогла и столь нашумевшая практика привлечения «импортных мозгов».

Эти критические замечания Н.А. Назарбаева надо признать обоснованными, ибо лозунги о необходимости перехода к рыночной экономике, распространившиеся ещё при президенте Союза М.С. Горбачёве, в сущности, НАДУМАНЫ. «Академики Павлов и Сахаров справедливо замечали, что при всём своём рационализме россияне не склонны додумывать. Отсюда – крах всех, даже самых благих реформ. Так случилось и с перестройкой, начавшейся задолго до Горбачёва, когда светлые головы поняли: система на грани вырождения»... (См. «Деловой мир», № 8 от 16 янв. 1993 г., с. 15.)

На фоне постановки вопроса об отсутствии у нас теории социального развития России на грани XXI века создаётся совершенно определённое впечатление, что и Е. Гайдар **не додумал** реформу, которая целый год осуществлялась под его руководством.

А если нет адекватной теории, то нет и адекватной организации. Наши беды и наша бедность – от того, что наше бытие не организовано: нет адекватной организации процесса жизни такой громадной страны. Эта организация не может быть заимствованной извне. Она должна быть оригинальной... тем более, что Запад как мир денег есть, в сущности, анархия – стихия случайных импульсов, где все действуют, «кто во что горазд»: кто-то строит небоскрёбы, кто-то играет на гитаре и что-то поёт, кто-то бросает и ловит разноцветные шарики на улице Токио, кто-то строит автодороги и автомобили, кто-то собирается вокруг света на воздушном шаре... И никто не задумывается об общем: «А для чего всё это?» «И к чему всё это приведёт?» Если бы хаос человеческих усилий и желаний был организован в национальном и в мировом концептуальном порядке, мы получили бы более вразумительный образ жизни. 4/II-93 г. Б.Н. Ельцин вдруг открыл, что российские экономические министерства ничего не сделали, чтобы не допустить скачка цен, а также – растраты предприятиями триллионов рублей тех «вливаний», которые были им отпущены на подъём производства и которые фактически не имели положительной отдачи. Почему это произошло? Потому что нет организации! Нет системы мышления и понимания того, КАК надо действовать и для чего.

Если нет теории реформ и отсутствует самоё теоретическое мышление (которое у России должно быть СВОИМ, так как её масштабы – это масштабы всего *завтрашнего* мира), если, – как и 300 лет назад, – организуется *лишь* группа «А» и группа «В» – а всё остальное (группы С, Д, Е, Ж, З) не организовано, то как может состояться успех реформ?! Мир ведь неизмеримо многообразнее денежно-отчуждённых форм его проявлений.

Стихия импульсов и интересов, основанная на жажде денег, которые употребляются опять-таки ради поддержания стихии неорганизованных, непросвещённых, негуманных желаний утилитарного толка, утилитарного содержания, – неизбежно ведёт к мировой катастрофе «глупой цивилизации».

Президент Б.Н. Ельцин 4/II-93 г. отметил, что министерство экономики, министерство внешнеэкономических связей и Центральный банк России ведут себя как персонажи басни И.А.

Крылова лебедь, рак и щука. А разве так называемое «мировое сообщество» ведёт себя не в соответствии с моделью поведения из той же басни?!

Разве у ООН есть теория для разрешения проблем стран «третьего мира», для разрешения противоречий бывшей Югославии, для стабилизации положения в бывшем Советском Союзе?

И почему именно Сайрус Вэнс и лорд Оуэн решают «древний спор славян между собою»? Что они – специалисты и профессиональные учёные в области истории славянистики? Нет. Они не теоретики, не исследователи и не авторы соответствующих исследовательских трудов. Они – политики. И как политики – они поверхностные мыслители, демонстрирующие, так сказать, «картографическое мышление». Берётся этнографическая карта Боснии и Герцеговины и, на основе зафиксированных на ней этнографических данных, предлагается образовать десять полуавтономных областей. Решение – как бы «с птичьего полёта».

И такие «как бы решения» в современном мире встречаются буквально на каждом шагу. И происходит всё это потому, что нет теории. Современный человек не догадывается, что социальный процесс поддаётся научному постижению и анализу с такой же определённой, как и силы внутри атомного ядра. Если бы в распоряжении наших уважаемых реформаторов был бы хотя бы минимум теоретического понимания ситуации, в которой находится Россия, то была бы ясность, что экономику реформировать *непосредственно* невозможно.

Уже одно это ПОНИМАНИЕ означало бы, что экономические реформы (как *экономические* действия) неизбежно провалятся и что, следовательно, надо искать, КАК избежать провала. Дело в том, что нам необходимо осуществить *исторические* реформы (а не экономические), ибо экономический способ бытия себя изжил, и только люди с «экономическим очками» на своём «интеллектуальном зрении» этого не видят и не могут видеть. Нельзя в реальном течении исторического времени экономическим способом преобразовать экономику; это тавтология, возможная только тогда, когда игнорируется историческое время и «социальное пространство», т.е. – связь положения нашего общества со всем остальным социальным миром.

А *исторические* реформы – это изменение исторической типологии ТРУДА как субстанции социальности, в том числе и экономической социальности, замкнутой на стоимость и собственность.

Сегодня нам надо дать народу России общее представление о том, куда мы идём, создать новый образ времени и страны. Это совершенно особенная специфическая задача страны, поставленной перед удручающим пониманием, что 73 года её жизни были отданы ошибочному пути.